

ЗЕМЕЛЬНОЕ, АГРАРНОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 343.97:343.775

ОБЩЕМИРОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ: ПРОЯВЛЕНИЯ И КРИМИНОГЕННЫЕ СВЯЗИ

Максим МАКСИМЕНЦЕВ,

кандидат экономических наук, соискатель

Харьковского национального университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу природы, феномена преступности в сфере недропользования и сопутствующих ей угроз. Установлено, что этот вид преступности характеризуется высоким уровнем и ежегодным приростом в 5–7% в течение последних десяти лет. Она опирается на развитую криминальную систему снабжения, обеспечения трансконтинентального движения полезных ископаемых. Выявлены элементы конвергенции преступного недропользования с экономическими и политическими криминальными практиками, а также с наркопреступностью, торговлей людьми, рабством. Фиксируются связи незаконной добычи полезных ископаемых с деятельностью террористических организаций, незаконных вооруженных и военизированных групп.

Ключевые слова: недропользование, полезные ископаемые, окружающая среда, политика, экономика, преступность.

GLOBAL MEASUREMENT OF CRIME IN THE SPHERE OF SUBSOIL USE: MANIFESTATIONS AND CRIMINOGENIC LINKS

Maksym MAKSYMENETSEV,

PhD in Economics,

Applicant of Kharkiv National University of Internal Affairs

SUMMARY

The article is focused on the analysis of nature, phenomenon of crime in the sphere of subsoil use and the associated threats. It has been established that this type of crime is characterized by a high level and an annual increase of 5–7% over the past ten years. It relies on a developed criminal supply system, ensuring the transcontinental movement of mineral resources. The elements of the convergence of the criminal subsoil use with economic and political criminal practices, as well as drug crime, human trafficking, slavery have been revealed. The links of illegal mining of mineral resources with the activities of terrorist organizations, illegal armed and militarized groups are recorded.

Key words: subsoil use, mineral resources, environment, politics, economics, crime.

Постановка проблемы. Преступность в сфере недропользования является одним из источников политической дестабилизации как регионального, так и глобального характера. Известно, что стремление к получению доступа к природным богатствам недр, в частности углеводородам, а также редким металлам, алмазам способствует развязыванию внутренних (гражданских) и межгосударственных вооруженных конфликтов, созданию и поддержанию функционирования террористических организаций как факторов асимметричного воздействия на правительства различных стран, международные организации. Таким образом, преступное недропользование предстаёт весьма специфическим криминально-криминогенным феноменом, требующим углублённого научного изучения, разработки неординарных мер системного противодействия на общемировом уровне с соответствующей проекцией на региональный, государственный.

Актуальность темы исследования. Проблемам противодействия преступности в сфере недропользования посвящены труды С.Б. Бахмудова, А.В. Виноградовой, С.Б. Гавриша, Т.В. Корняковой, В.К. Матвийчука, Н.В. Нетесы, Г.С. Полищука, И.В. Попова, В.М. Присяж-

ного, Ю.А. Турловой, А.М. Шульги и других ученых. Отдавая должное существующим наработкам, следует признать отсутствие исследований общемирового измерения преступности в сфере недропользования, что выявляет пробел как в криминологической доктрине, так и в практике совместного (международного) предупреждения этих преступлений.

Цель статьи заключается в описании и объяснении основных проявлений преступности в сфере недропользования в общемировом измерении, а также в выявлении её связей с иными видами преступности.

Изложение основного материала. Согласно опубликованному в 2016 г. отчета Интерпола о состоянии экологической преступности за последнее десятилетие рост этого вида преступности составил не менее 5–7% в год. Это означает, что экологические преступления, в т. ч. нелегальная добыча и реализация золота, других полезных ископаемых, возрастает в два-три раза быстрее глобального ВВП [1]. Информация, собранная Интерполом и ООН по экологической преступности вообще и в сфере недропользования в частности, свидетельствует о том, что это – прибыльная деятельность, опирающаяся на хорошо сформированную

криминальную систему снабжения. Последняя включает в себя многочисленных агентов, способствующих трансконтинентальному движению полезных ископаемых.

Особый интерес представляют связи с другими видами преступной деятельности, общеуголовной, политической и экологической преступностью. Так, 84% из числа опрошенных Интерполом представителей национальных бюро этой организации сообщают о конвергенции экологической преступности вообще и преступности в сфере недропользования в частности с другими видами организованной преступности [2].

В этом контексте прежде всего стоит заметить, что степень организованности экологических криминальных практик сегодня позволяет их рассматривать как элемент транснациональной экологической преступности. По результатам исследования Л. Эллиота (L. Elliott), это одно из самых быстрорастущих направлений транснационального преступного предпринимательства с высокими доходами и низким уровнем риска для тех, кто занимается торговлей, контрабандой полезных ископаемых. Отмечается высокая степень дифференциации криминальной специализации в зависимости от видов природных ресурсов. При этом полученные от криминальных промыслов средства нередко используются для политической борьбы. Но, в отличие от других форм транснациональной преступности, в отношении преступного недропользования пока нет международного договора о предупреждении, пресечении, привлечения виновных к ответственности [3, с. 87].

Как и многие другие виды экологических преступлений, незаконная добыча полезных ископаемых связана с финансовыми преступлениями, особенно с легализацией (отмыванием) денег. Например, как отмечается в Стратегическом отчете Интерпола, колумбийские «наркобароны», контролирующие незаконную золотодобычу, развили сложный механизм преступной деятельности, в который вовлечены дилеры и ювелиры из США. Инвестирование в драгоценные металлы позволило картелям отмывать полученные от наркопреступности средства, увеличивать свои доходы и покупать больше оружия, поддерживать системные антиправительственные действия, оказывать вооруженное сопротивление [4].

В первом десятилетии XXI в. высокие цены на золото значительно повысили рентабельность его добычи в странах Латинской Америки. В то же время, США дали старт новой кампании «войны с наркотиками», в частности в Колумбии и Мексике («План Колумбии» и «Инициатива Мериды»). Это обстоятельство резко снизило рентабельность наркотрафика из Латинской Америки в США. В результате возникли значительные стимулы для преступных групп, контролирующих торговлю наркотиками, для перехода на добычу золота, а фрагментарный характер кустарной добычи этого драгоценного металла в Латинской Америке значительно облегчил такую криминальную диверсификацию. Эти группы быстро поняли, что контроль над большими золотодобывающими запасами, удаленными от правительства, позволит им создать большую маржу прибыли с гораздо меньшим риском [5]. В конце концов, правительство Колумбии признало, что около 90% золотодобывающих компаний работают нелегально [6, с. 29].

Подобное изменение преступной специализации от наркобизнеса к незаконной добыче золота оказалось настолько успешным, что в Перу и Колумбии – крупнейших производителей кокаина в мире – объемы незаконного экспорта золота (в денежном эквиваленте) уже превышают объемы экспорта кокаина. Несмотря на то, что мировые цены на золото в последние годы постепенно уменьшались, организованные преступные группировки продолжают стимулировать расширение его незаконной добычи.

На сегодняшний день, по данным швейцарской неправительственной организации «Глобальная инициатива против транснациональной преступности» (далее – Глобальная инициатива), около 28% золота, добытого в Перу, 30% золота, добытого в Боливии, 77% – добываемого в Эквадоре, более 80% – в Колумбии, и 80–90% венесуэльского золота имеет нелегальное, преступное происхождение. К незаконной добыче золота привлечены сотни тысяч работников в Латинской Америке, многие из которых крайне уязвимы к факторам трудовой эксплуатации, торговли людьми [5].

Весьма интересен и опыт полевых исследований Глобальной инициативы, проведенных в феврале – декабре 2015 г. в Латинской Америке. В частности, были обнаружены разветвленные сетевые связи между организованными преступными группировками, занимающимися наркопреступностью и недропользованием, с террористическими группами, негосударственными фондами, банковскими учреждениями, которые облегчают отмывание денег, реализацию коррупционных схем, привлечение местного населения к принудительному труду, торговле людьми [5]. Было также выявлено, что латиноамериканские страны с высокими темпами нелегальной добычи золота являются одними из крупнейших поставщиков этого металла на основные перерабатывающие (горнообогатительные) заводы в такие страны, как Швейцария и США, которые улучшают золото для крупнейших ювелирных и электротехнических компаний мира [5].

Совершенно ясно, что функционирование подобных механизмов не может обходиться без ряда аксессуаров, вспомогательных криминальных практик. К ним относятся, прежде всего, коррупция, торговля людьми, трудовая эксплуатация. Наличие связей с подобными преступлениями подтверждается и экспертами Интерпола в проекции на общемировую плоскость незаконной добычи полезных ископаемых.

В Стратегическом отчете Интерпола отмечается, что коррупция является ключевым посредником в торговле незаконно добытыми полезными ископаемыми через общую разветвленную сеть поставок. Существование коррупции в правоохранительных органах позволяет преступникам получить необходимые документы, такие как лицензии или разрешения, а также обойти аресты или изъятия [4]. При этом анализ тенденций распространения этого вида преступности дает основания утверждать, что должностные лица правоохранительных и других органов государственной власти являются не только пассивными субъектами в коррупционных схемах, но и их активными генераторами, иницируя их функционирование, требуя неправомерную выгоду от специальных субъектов природопользования. Так происходит вырождение не только политики рационального природопользования, но и всего сектора государственной юстиции, что угрожает стабильности развития страны.

Например, рядом должностных лиц в Малайзии обеспечивается работа веб-ресурсов, авторизация на которых осуществляется через коррупционные механизмы, а сами эти ресурсы открывают возможность доступа к торгам незаконно добытыми полезными ископаемыми по заниженным ценам. Это обстоятельство, по оценкам Интерпола, свидетельствует о том, что коррупция глубоко укоренена в горнодобывающей отрасли этой страны [4]. Кроме того, организованные преступные группировки в ряде азиатских, а также африканских и латиноамериканских стран, обеспечивающие функционирование нелегальной добычи полезных ископаемых, имея налаженные коррупционные связи с правоохранительными органами, пограничной службой, таможней (в частности для транс-

портировки добытых полезных ископаемых, их экспорта), часто используют эти связи для осуществления торговли людьми, содействия нелегальной миграции, незаконной переправки через границу.

Эти же группы используют нелегальную рабочую силу, принудительный труд для совершения преступлений в сфере недропользования. При этом условия труда не соответствуют требованиям безопасности. Сами работы являются тяжелыми и вредными для здоровья: чрезмерная продолжительность рабочего времени, отсутствие средств индивидуальной защиты, воздействие токсических веществ (таких как ртуть и пр.), слабая инфраструктура и т. п.

Отдельно в Стратегическом отчете Интерпола отмечается, что нелегальная добыча характеризуется интенсивной эксплуатацией женщин и детей, что уменьшает затраты на оплату труда. Эта категория старателей, шахтёров, как правило, является нелегальными мигрантами, которых часто перевозят как жертв торговли людьми, сексуальной эксплуатации и принудительного труда [4]. Указанное обстоятельство наглядно свидетельствует о связи преступности в сфере недропользования с бедностью, ведь жертвы торговли людьми в основном попадают в рабство из-за попытки найти страны с более благоприятными условиями жизни, наличием работы, доступом к социальным благам. В этом контексте целесообразно говорить о сочетании механизмов виктимизации и криминализации (в криминологическом смысле этого термина). Тяжёлое имущественное положение работников приводит к их вовлечению в преступную деятельность, в значительной степени повышает риск стать жертвой торговли людьми.

На местном уровне, акцентируют эксперты Интерпола, экологическая преступность в целом и в сфере недропользования в частности – альтернатива бедности для малоимущих, уязвимых слоёв населения. Преступные практики способны обеспечить дополнительный, а иногда и единственный источник заработка для них. Преступные группировки часто используют потребности уязвимых категорий местного населения, привлекая к криминальным добывающим промыслам в обмен на продукты питания, воду или лекарства [4].

Особенно остро зависимость между выживанием беднейших слоёв населения и их вовлечённостью в эколого-криминальные практики, в т. ч. в сфере недропользования, наблюдается в таких странах, как Сомали, Нигерия, Эфиопия, Бангладеш, Бразилия, Индия, Колумбия, где организованные преступные группы контролируют водоснабжение. В этих странах население, живущее в тропических широтах, часто имеет доступ к воде исключительно через такие преступные группы, что превращает значительную часть местных общин в вынужденных соучастников преступного недропользования. Симптоматичным в этом контексте также является и то, что, по данным исследования Л. Гюизы (L. Güiza), 64% из тех, кто вовлечен в непосредственную (физическую) незаконную добычу золота в Колумбии, имеют лишь начальное образование, а 20% – не имеют никакого, являются неграмотными [7, с. 42].

Исходя из этого, стоит отдавать себе отчёт и в том, что преступность в сфере недропользования, будучи в большинстве своём проявлением корысти, предстаёт результатом дисфункции ряда институтов экономической деятельности. Показательно то, что этот вид преступных практик в наибольшей степени развивается именно в странах «третьего мира», в которых уровень бедности сверхвысок. Впрочем, вполне понятно, что местным уровнем воспроизводства преступность в сфере недропользования как метасистемный феномен не ограничивается и распространяет своё функциональное влияние на политическую

сферу, синтезируясь с политическими криминальными практиками.

Крайне угрожающей является тенденция укрепления связей незаконной добычи полезных ископаемых с деятельностью террористических организаций, незаконных вооружённых групп, парамилитарных образований. Учитывая контроль над сектором горнодобывающей промышленности в некоторых регионах, эти группы интегрируют прибыль от добычи и транспортировки полезных ископаемых в механизмы других видов преступной деятельности. Например, по оценкам экспертов Интерпола, Революционные вооружённые силы Колумбии (FARC) финансируют не менее 20% своей деятельности поступлениями от нелегальной добычи золота и ртути. Существуют также факты, свидетельствующие о том, что Аль-Шабааб и Демократические Союзы союзников Национальной армии освобождения Уганды (ADF-NALU) распространили свою деятельность на незаконную добычу полезных ископаемых [4].

Многочисленные негосударственные вооружённые группировки, террористические группы и организации обеспечивают свое финансирование за счёт организации и контроля за незаконной добычей полезных ископаемых. Они эксплуатируют природные ресурсы (включая золото, колтан и алмазы) в районах конфликтов. По оценкам Контртеррористического управления ООН (Резолюция S/RES/2195 (2014)), не менее 40% всех внутренних вооружённых конфликтов имеют связь с природными ресурсами. Одним из основных источников финансирования негосударственных вооружённых группировок, включая террористические организации, такие как Аль-Каида, Диаш («Исламское государство»), талибы и повстанческие группы в Демократической Республике Конго, является незаконная добыча полезных ископаемых [8]. Подробно задокументирован (Резолюция S/2013/440 (2013)) механизм нелегального трафика угля, что подтверждает его значительную роль в финансировании террористической организации Аль-Шабааб. В 2013 и 2014 гг. объёмы такого трафика достигали 250 млн дол. США ежегодно с тенденцией к росту [9].

Использование денег от незаконной добычи золота, нефти и других природных ресурсов по своим масштабам превосходит традиционные источники финансирования военных конфликтов, международного терроризма. Мировая карта незаконных потоков полезных ископаемых, составленная рабочей группой из числа экспертов Интерпола, организации «Rhipito» (Норвежского центра глобального анализа и сотрудничества с ООН), Глобальной инициативы, показывает, что незаконная эксплуатация природных ресурсов, таких как золото, алмазы, нефть, уголь является самой мощной общей категорией финансирования вооружённых конфликтов, удельный вес которой в структуре «бюджетов» незаконных вооружённых формирований, террористических организаций достигает 38–40%. Ещё 26% – незаконное налогообложение (вымогательство) недропользования на территориях осуществления фактического контроля такими организациями, формированиями [2].

Незаконная добыча нефти была главным источником финансирования «Исламского государства» в 2014 и 2015 гг. Незаконный доход от нефти также имеет решающее значение для финансирования ведущих криминальных сетей Латинской Америки, Ливии, Нигерии [2].

Кроме того, нельзя также обойти вниманием и то обстоятельство, что нередко с целью установления контроля над месторождениями полезных ископаемых иницируются локальные (внутригосударственные) и межгосударственные вооружённые конфликты, стимулируются внутривнутриполитические противоречия,

создаются предпосылки для насильственного захвата государственной власти. Одними из основных модераторов течения подобного рода конфликтов являются частные военные компании, деятельность которых в ряде случаев может рассматриваться в контексте совершения преступлений агрессии (в терминологии Римского статута Международного уголовного суда). Также заметим, что преступления агрессии могут быть как средствами для доступа к природным ресурсам страны – жертвы агрессии, так и объектами её обеспечения за счет преступного недропользования.

Выводы. В результате проведенного исследования установлено, что указанный вид преступности характеризуется высоким уровнем и ежегодным приростом в 5–7% в течение последних десяти лет. Кроме того, выявлены элементы конвергенции преступного недропользования с экономическими (в частности с отмыванием денег, полученных преступным путем) и политическими преступными практиками. Добыча полезных ископаемых опирается на развитую криминальную систему снабжения, обеспечения трансконтинентального движения полезных ископаемых, позволяет рассматривать преступное недропользование как элемент транснациональной преступности. В структуре же последней отмечается смещение криминальной специализации от наркобизнеса к незаконной добыче золота. В Перу и Колумбии объемы незаконного экспорта золота (в денежном эквиваленте) превышают объемы экспорта кокаина. Несмотря на то, что мировые цены на золото в последние годы постепенно уменьшались, организованные преступные группировки продолжают стимулировать расширение его незаконной добычи.

Организованные преступные группировки в ряде азиатских, а также африканских и латиноамериканских стран, которые организуют, обеспечивают функционирование нелегальной добычи полезных ископаемых, имея налаженные коррупционные связи с правоохранительными органами, пограничной службой, таможней, часто используют эти связи для осуществления торговли людьми, незаконной переправки через границу. Эти же группы используют нелегальную рабочую силу, принудительный труд для совершения преступлений в сфере недропользования. Установлены связи незаконной добычи полезных ископаемых с деятельностью террористических организаций, незаконных вооруженных и военизированных групп.

Список использованной литературы:

1. UNEP-INTERPOL report: value of environmental crime up 26%. URL: <https://www.interpol.int/News-and-media/News/2016/N2016-073> (дата обращения: 02.11.2018).
2. World Atlas of Illicit Flows / The Global Initiative Against Transnational Organized Crime. URL: <http://globalinitiative.net/world-atlas-of-illicit-flows/> (дата обращения: 10.11.2018).
3. Elliott L. Transnational Organized Crime. *Journal of International Affairs*. 2012. № 1. Vol. 66. P. 87–104.
4. Strategic Report: Environment, Peace and Security A Convergence of Threats / International Criminal Police Organization, UN Environment. URL: <https://www.interpol.int/Crime-areas/Environmental-crime/Resources> (дата обращения: 02.11.2018).
5. Organized Crime and Illegally Mined Gold in the Americas / The Global Initiative Against Transnational Organized Crime. URL: <http://globalinitiative.net/organized-crime-and-illegally-mined-gold-in-the-americas-6-april-2-4pm-geneva/> (дата обращения: 10.11.2018).
6. Amancio N.L. Illegal Mining is Destroying Amazonia. *Our Planet. Environmental Crime*. 2017. Match. P. 28–29. URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/655326_4bbc5cdf77384d48adf980c3ec39237a.pdf (дата обращения: 27.11.2018).
7. Güiza L. Mercury and gold mining in Colombia: a failed state. *Universitas Scientiarum*. 2013. № 18 (1). P. 33–49.
8. Resolution S/RES/2195: Document of United Nation. Security Council. 19.12.2014. URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/en/sres2195-2014> (дата обращения: 15.11.2018).
9. Resolution S/2013/440: Document of United Nation. Security Council. 24.07.2013. URL: <https://undocs.org/S/2013/440> (дата обращения: 15.11.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максименцев Максим Геннадиевич – кандидат экономических наук, соискатель Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksymentsev Maksym Hennadiiovych – PhD in Economics, Applicant of Kharkiv National University of Internal Affairs

stanislav2107@mail.ru